

Усталость тихая, вечерняя
Зовёт из шума городов
В Нижегородскую губернию
И в синь Семёновских лесов...

Эти строки я прочитал первыми в сборнике избранных стихов Бориса Корнилова, который купил сразу, как только демобилизовался из рядов Советской Армии. Книга была издана Волго-Вятским книжным издательством к 70-летию со дня рождения Бориса Петровича в городе Горьком. «Нижегородская губерния» в те годы звучало как что-то древнее, патриархальное и в то же время притягательное, непреодолимо зовущее к постижению этого сокрытого тогда от нас новыми названиями городов, улиц, площадей.

Сейчас бы сказали – это тяга к национальным корням. В середине 70-х годов прошлого века так не выражались. Но я рос в пределах старой Нижегородской ярмарки, среди её каналов, лабазов, доходных домов и гостиниц, превращённых в жилые бараки. Потому древний Нижний Новгород, хотел бы я того или нет, но тянул к себе невидимыми нитями. И я постигал его по крохам, по крупичкам, по истории превращённых в склады и клубы храмов, по странным названиям домов – «Германия», «Медведей», «Главсоль»...

*В Нижнем Новгороде с откоса
чайки падают на пески...*

.....
*Влажным ветром пахнуло немного,
лёгким дымом, травую сырой,
 снова Волга идёт, как дорога,
 вся покачиваясь под горой...*

.....
*Наши разные разговоры,
наши песенки вперебой.
Нижний Новгород,
Дятловы горы,
ночью сумрак чуть-чуть голубой.*

Сколько раз всё это мною было видно и пережито – не счесть. А так сказать никогда бы не додумался, не смог.

Как возникает это таинство – рождение поэзии, казалось бы, в случайном человеке.

Истинный поэт – миссионер слова.

Это состояние должно выжечь в нём всё мелкое, суетное, сиюминутное. Многие ли на такое способны, готовы пойти по такому жизненному пути? Единицы. Только избранные для этого подвига Господом. Да и те не все решаются на подвиг, а идут на компромиссы со временем и собственной совестью. Но кто решается, тот навсегда остаётся в благодарной памяти народной.

Мне много пришлось поездить по нашей стране, встречаться с разными людьми, выступать перед ними и в крупных городах, и в небольших сёлах. Со временем я стал невольно обращать внимание на одну деталь: в каждом населённом пункте сейчас есть возрождённый храм и одновременно в нём сберегается память о каком-нибудь литераторе, поэте или писателе, связанном судьбой с этой землёй.

Это феномен двуединства русского духа, которое выражается в вере и творческом начале преклонения перед СЛОВОМ. Неразрывное, мистическое соединение. Не мыслит себя народ России ни без веры, ни без литературы. Потому он в прошлом веке выстоял в сохранении Православия, в этом выстаивает во времена пренебрежения к исконной, нравственной, с родниковым словом русской литературе, помня и любя творчество своих поэтов, сберегая его для будущих поколений.

В Семёнове, на торжествах, хоть и не очень много, но говорили о трагической судьбе Бориса Корнилова. Конечно, эту тему невозможно было обойти – слишком рано ушёл поэт из жизни, слишком жестоко был прерван его земной путь

Однако, если поэзия даётся свыше, то и поэты не появляются среди нас случайно. А значит как их приход, так и уход не являются случайными и совершаются не без высшей воли, а в то время, когда Господь решает.

Нам невозможно понять высших смыслов этих уходов. Остаётся только принимать свершившееся таким, каким оно есть.

*Может быть,
а может быть – не может,
может, я живу последний день,
весь недолгий век мой – выжат, прожит,
впереди тоска и дребедень...*

(«Смерть», 1931)

Вот так начинается своё стихотворение 1931 года Борис Корнилов. И всю дальнейшую «древедень» объясняет, которая ничто, по сравнению вот с этим:

*Мы идём.
И рука в руке,
И шумит молодая смородина.
Мы на Кержинце, на реке,
Где моя непонятная родина,
Где растут вековые леса,
Где гуляют и лось и лиса
И на каждой лесной версте,
У любого кержачьего скита
Русь, распятая на кресте,
На старинном,
На медном прибита.
Девки чёрные молятся здесь,
Старик умиряют за делом
И не любят, что тракторы есть –
Жеребцы с металлическим телом.
Эта русская старина,*

*Вся замшѣнная, как стена,
Где водою сморѣна смородина,
Где реке незабвенность дана, –
Там корѣжит медведя она,
Желтобородая родина,
Там медведя корѣжит медведь.*

Замолчи!

Нам про это не петь.

(«На Керженце», 1927)

Да нет, Борис Петрович, будут петь и после, и, надеемся, ещё не один век эта песня пропоётся многими поколениями русских людей. И в веках будет с благодарностью помнить Русь и ваше незабвенное имя, и вашу поэзию, когда-то данную нам от щедрот Божьих.

Вот и в Семёнове в историко-художественном музее создали литературную экспозицию, посвящённую жизни Б.П. Корнилова, вспоминали его и совсем мальчишкой, и зрелым поэтом.

Хозяева угощали приехавших гостей чаем с семёновскими пирогами и ватрушками. Затем у гранитного памятника поэту на площади, названной его именем, под дождём читали его стихи и стихи ему посвящённые. А далее Центр искусств, большой концерт, где и сказал я со сцены примерно то, о чём написал выше.

И хорошо мне было на родине Корнилова. Люблю я приезжать в этот старинный, духовно чистый, гостеприимный город, окружённый завожскими лесами. Здесь легко сердцу среди отзывчивых и талантливых людей. Здесь разлита музыка корниловских стихов.